

Гоголь в экзистенциальной интерпретации Газданова

Тема «Газданов и Гоголь» уже не раз попадала в поле зрения исследователей, причем речь в их работах, как правило, шла о творческих переключках Газданова с Гоголем¹. Разумеется, поминались в исследовательской литературе и две статьи Газданова, в которых он прямо выразил свое отношение к этому писателю. Однако если специалисты по творчеству Газданова начали серьезный анализ этих образцов его литературной критики², то большинство гоголеведов чаще всего просто проходят мимо них³.

Впрочем, это только закономерно. Ведь писательская критика, насколько бы она ни была глубока и интересна, в первую очередь характеризует самого писателя. И немногочисленные гоголеведческие этюды Газданова — прежде всего факт для осмысления его собственного творчества. Различные оценки Гоголя Газдановым, относящиеся к разным периодам его жизни, следует поставить в контекст его литературной эволюции.

Все, чем писатель восхищается, он хочет «присвоить». А Гоголем Газданов, конечно же, восхищался: достаточно вспомнить его слова о «неповторимом гении Гоголя»⁴ и ремарку о том, что в «Вие» «есть места, в которых язык Гоголя достигает несравненного искусства святого Иоанна»⁵. Однако если всякая рецепция, в соответствии с положениями рецептивной эстетики, в той или иной степени выявляет семантический потенциал произведения⁶, то тем более это относится к писательским «отражениям» чужого творчества. И в этом отношении статьи Газданова о Гоголе совсем не исключение.

1

На первый взгляд Гоголь Газданову совсем не близок. И однако же это единственный русский писатель, которого Газданов выделил в качестве ориентира своего собственного творчества в своих программных «Заметках об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане», опубликованных в 1929 году⁷. Как и большинство других литературно-критических выступлений Газданова (например, написанные приблизительно в те же годы: «Миф о Розанове», 1929; «О Поплавском», 1934; «Литературные признания», 1936), статья эта показательна прежде всего как попытка авторского самоопределения Газданова в начальный период его творчества, когда создавались появившиеся в 1930 году «Черные лебеди», «Вечер у Клэр» и другие газдановские шедевры.

В этой статье обычной, «средней» литературе (Золя, В. Гюго, Некрасов, Тургенев), возникающей под влиянием «общественной необходимости», Газданов противопоставляет «искусство фантастическое», возникшее «после того, как люди, его создавшие, сумели пре-

одолеть сопротивление непосредственного существования в мире раз навсегда определенных понятий, предметов и нормальных человеческих представлений» (С. 79). Газданов сразу же называет те несколько явлений, которые находятся «за пределами нашей обычной действительности» и которые «мы не можем согласовать с известными нам законами». Это «страх», «смерть», «предчувствие». Таких писателей «неизменно постигает трагедия постоянного духовного одиночества»: «Он живет в особенном, им самим создаваемом мире — и состояние полного отчуждения от других людей бывает под силу лишь немногим» (С. 79). Именно таким писателем предстает в изображении Газданова Гоголь: «*Фантастика Гоголя, начавшаяся с карикатурных чертей «Вечеров на хуторе близ Диканьки», с полунасмешливого описания субтильных бесов и уродливых ведьм, прошла сквозь “Мертвые души” и остановилась на “Портрете” и “Записках сумасшедшего”*» (С. 80).

В статье можно выделить несколько моментов, характерных для подхода Газданова к Гоголю. Первый из них — это что Гоголь сам был не лишен безумия: «Необыкновенная странность некоторых сюжетов Гоголя не может никак быть объяснена одной лишь оригинальностью. В самом издевательском и невероятном рассказе русской литературы “Нос” есть, несомненно, *отдаленные признаки сумасшествия*. Необычайная уверенность, с которой Гоголь ведет повествование о носе, превратившемся в чиновника и уже садившемся в экипаж, чтобы ехать в Ригу, — была бы *недоступна нормальному человеку*» (С. 81).

Второй момент, который Газданов отмечает в Гоголе и в других писателях такого плана, — это значение в их жизни и творчестве двойничества и *связи с потусторонним*: «Почти все герои фантастической литературы и, уж конечно, все ее авторы всегда ощущают рядом с собой чье-то другое существование. Даже тогда, когда они пишут не об этом, они не могут забыть о своих двойниках» (С. 81).

Третий момент — это *особое внимание Гоголя к смерти и страху*: «*Фантастическое искусство существует как бы в тени смерти*» (С. 82). Однако есть и нечто более страшное, чем смерть, — это страх: «Если бы никто из них не преодолел этого *страха*, многие страницы Гоголя, По, Мопассана остались бы ненаписанными» (С. 79). Как и Эдгар По, Гоголь, по мысли Газданова, кажется, не боялся смерти — «он боялся *страха*» (С. 80).

В заключение Газданов пишет о том, что «искусство становится настоящим тогда, когда ему удастся передать ряд эмоциональных колебаний, которые составляют историю человеческой жизни», а также делает важное замечание о том, что хотел в этой статье «только указать на *значительность иррационального начала в искусстве*» (С. 82).

Кое-какие из этих моментов повторяются и в позднейшей статье Газданова «О Гоголе», но, разумеется, есть и новое. Если «Заметки...» Газданов открывал противопоставлением своих литературных кумиров Золя, Виктору Гюго, Некрасову, Тургеневу, то есть писателям, побуждения которых к литературному творчеству «носят характер общественной необходимости» (С. 78), то статью «О Гоголе» он начинает с отрицания представления о нем как о «писателе-реалисте, изображавшем быт и действительность в России первой половины 19-го столетия» и о его творчестве как о «воспроизведении действительности» (М. 172).

Заявив, что «каждый писатель с о з д а е т свой собственный мир, а не воспроизводит действительность», Газданов далее утверждает, что этот созданный Гоголем мир — «действительно страшный мир», «какой-то бред, принимающий разные формы», и что «ни у героев, ни у автора, который их описывает», нет «ни одной подлинно человеческой черты» (М. 172, 174).

Затем в статье обращается внимание на противоречие между этим «миром Гоголя» и его стремлением к «работе на пользу родине» (М. 175), а также желанием «быть наставником своих современников» (М. 176). Проявление «гоголевской мании величия» (М. 176) Газданов усматривает не только в «Выбранных местах...», но видит истоки ее еще в первом томе «Мертвых душ» (М. 176).

«Выбранные места...» дают Газданову основание для того, чтобы сделать заключение о близости самого Гоголя многим из его героев: «рукой Гоголя в этой книге точно водят созданные им герои, и прежде всего Манилов, Хлестаков и Поприщин. Потому что, если Гоголь считал, что он может давать советы помещику и губернаторше, то почему, собственно, Хлестаков не мог управлять департаментом, и если Гоголь считал, что вся Россия смотрит на него и ждет от него указаний на то, как ей следует жить, то почему собственно Поприщин не мог себя считать Фердинандом Восьмым, на которого смотрит вся Испания?» (М. 179).

Наконец, обозревая личность и «жуткую жизнь» Гоголя, Газданов сочувственно цитирует слова И.С. Аксакова о том, что среди всех его знакомых он «не встретил ни одного человека, кому нравился бы Гоголь и кто ценил бы его вполне» (М. 179), а также о том, что Гоголь для него «был так мало похож на живого человека», что, боясь мертвецов и будучи не в состоянии «их видеть без ужаса», «ничего подобного не испытал, когда увидел труп Гоголя» (М. 181). Творчество Гоголя Газданов называет «страшным нечеловеческим миром <...> похожим на видение того раскаленного ада, в котором сгорел Гоголь», а смерть его «столь же непостижимой, как его жизнь» (М. 183).

Если мы теперь поставим вопрос о том, изменился ли подход Газданова к Гоголю за те годы, которые прошли между моментами появления в печати его «Заметок...» и статьи «О Гоголе», то на него можно ответить, что в основе своей он остался прежним. Однако отно-

шение Газданова к Гоголю изменилось. Из творческого ориентира («фантастическое искусство») Гоголь превратился для него прежде всего в отрицательный пример отказа гения от художественного творчества ради выполнения общественно-воспитательных задач. Не случайно в статье «О Гоголе» ее предмет до некоторой степени уравнивается с Тургеневым («Быть наставником своих современников». Тургенев понимал это, конечно, в другом смысле, чем сам Гоголь»). Между тем в «Заметках...» Гоголь и Тургенев противопоставлялись как представители фантастического и социального типов творчества.

В статье 1960 года Гоголь для Газданова становится отрицательным примером проявления учительной роли русской литературы, ее претензий на «пророческое» значение, о неосновательности которых Газданов говорил, в частности, в своих беседах из цикла «Дневник писателя» на радио «Свобода», например, в беседе «Достоевский и Пруст», переданной 8/9 октября 1971 г. В какой-то степени позднее творчество Гоголя становится для Газданова в один ряд с тем, что Андре Жид, как он сам упоминает об этом в радиобеседе «По поводу Сартра», «определил непереводаемым выражением “*littérature engagée*”, примером которой была в первую очередь западная коммунистическая литература и социалистический реализм⁸.

3

На вопрос о том, чьи и какие другие суждения о Гоголе предопределили подобные эстетические убеждения Газданова и подобный взгляд его на Гоголя, ранее уже попытался ответить С.Р. Федякин. Исследователь отталкивался от того факта, что свою статью «О Гоголе» Газданов начинает с цитаты из одноименной статьи Л.Н. Толстого: «Гоголь был человеком с большим талантом, но с узким и темным умом». Это сказал Толстой» — а сама статья Газданова представляет собой попытку «раскрыть эту фразу, похожую на “алгебраическую формулу”»⁹.

Прежде всего, С.Р. Федякин обращает внимание на то, что цитата Газданова из Толстого неточна: «Суждение Толстого в начале его заметки “О Гоголе” состоит не из “тезиса” и “антитезиса” (“большой талант — темный ум”), но из триадической характеристики: “Гоголь — огромный талант, прекрасное сердце и небольшой, несмелый, робкий ум”. Неточность не случайная. Автор “Ночных дорог”, как и до войны, продолжал делить литературу на подлинную и “общественную”. Толстой поделил творчество Гоголя на три составных части: художественные произведения (в них Гоголь отдавался своему таланту), нравственно-религиозные сочинения (в них говорило “сердце и религиозное чувство” писателя) и нелепое совмещение того и другого (второй том “Мертвых душ” и дописанная к “Ревизору” новая “развязка”»¹⁰.

Кстати сказать, в статье Газданова «О Гоголе» можно найти отзвуки и «триадической характеристики» Толстого: «Можно было бы, конечно, сказать, что в Гоголе надо различать несколько начал: его литературный гений, его личность — Гоголь, как человек, — и, наконец, его призвание быть учителем и наставником. Но такое разделение носило бы, мне кажется, искусственный характер» (М. 175). Отстаивая необходимость взгляда на Гоголя как на целостное явление, Газданов, возможно, отчасти опирался на Г.В. Адамовича, который в своей статье «Андрей Белый и Гоголь» сочувственно цитировал Л.Б. Каменева: «Белый, например, полностью отбрасывает поздний гоголевский период, он отрицает какую-либо связь между искусством Гоголя и его проповедью. <...> Каменев ему это объясняет: Гоголя надо брать целиком <...> Гоголя нельзя разрезать на части ради удобства и легкости истолкования»¹¹.

Исследователь сам не случайно сразу обращает внимание на существенные расхождения Газданова с Толстым в оценке Гоголя: «Для Газданова среди “ненастоящих” произведений Гоголя — “Выбранные места из переписки с друзьями”, куда входили и те статьи, в которых Толстой обнаружил “трогательные, часто глубокие и поучительные мысли”. Понятно, почему Газданов запомнил слова Толстого о “прекрасном сердце”, именно из этого “сердца” Гоголя выходили толстовские “глубокие и поучительные мысли”, вызвавшие неприятие Газданова. И все же, при всех несовпадениях, печатью Толстого отмечена эта его статья, где, в сущности, развита мысль Толстого о внутреннем “разладе” таланта и ума у Гоголя, но с газдановской поправкой»¹².

Со всем этим можно согласиться, имея в виду, впрочем, возможную зависимость Газданова и от других источников. Однако С.Р. Федякин сближает с Толстым и раннюю статью Газданова «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане», хотя в качестве конкретного примера приводит лишь несколько цитат Газданова из «Предисловия к сочинениям Гюи де Мопассана» Толстого, а об остальном несколько неопределенно замечает: «Отзвуки “Предисловия к сочинениям Гюи де Мопассана” Толстого и его заметки “О Гоголе” ощутимы даже там, где Газданов на них не ссылается»¹³. Тем не менее и сам исследователь не может пройти мимо очевидных различий: «Если Толстой пытался показать, как талант Мопассана, вопреки влиянию среды, вел его к умению видеть правду жизни, если в заметке “О Гоголе” он, напротив, старался выявить, как “несмелый” ум автора “Выбранных мест” уводил его от собственного таланта, то Газданова интересует иное: фантастическая составляющая творчества»¹⁴.

Газданова в его «Заметках...» действительно интересует в значительной степени иное, хотя и не только то, о чем пишет исследователь. И круг источников, на которые в первую очередь он внутренне ориентируется, мне представляется несколько иным. Прежде всего

бросается в глаза его ориентация на розановские суждения о Гоголе. Ориентация эта, в отличие от ориентации на Толстого, ощущается сразу по трем линиям.

Во-первых, именно вслед за Розановым Газданов развивает представление о связи его творчества с сумасшествием. Ср. цитированные выше суждения Газданова со следующими тирадами Розанова, отталкивающегося от утверждения Платона в «Пире» о том, что «только люди, способные к безумию, и именно в пароксизмах безумия, приносят на землю глубокие откровения истины»: «Гоголь кончил безумием, но гениальным и гениально <...> как *на границе* этого “безумия” прожил всю жизнь знаменитый Паскаль, коего “Pensées” не то же самое, а, однако, родственны с “Перепискою” Гоголя»¹⁵.

Как Газданов видит в «фантастическом искусстве» способ провидения в невидимые глазу тайны бытия, так и Розанов полагал, что «некоторые формы гениальности, или, вернее, “приступы” гениальности — сродни безумию, или вытекают из форм безумия, почти безумия: безумия не в *логическом* смысле <...> а безумия в смысле *смятения* всех чувств, необыкновенного внутреннего волнения, “пожара” души, “революции” в душе»¹⁶. По Розанову, это безумие — «особого рода, не медицинское, а — метафизическое, где менее безумствует мысль и более безумствует воля <...> где миры здешний и “тамшний” странно перепутываются, взаимодействуют, человеку открываются “небеса” и вообще он ощущает, видит и знает много вещей, весьма странных с точки зрения аптекарского магазина и департамента железнодорожных дел, но не очень уж странных для священника, для отшельника, для святого, для ясновидящего, для Платона, Паскаля и, может быть, для каких-нибудь мудрецов Индии или сектантов Ирана»¹⁷. Если мы вдумаемся в смысл того, о чем говорит здесь Розанов, то увидим, что по существу это то же самое, что Газданов называет «фантастическим искусством». Кстати сказать, сам термин тоже, возможно, у Газданова не в последнюю очередь от Розанова. Ср.: «Гоголь — великий творец-фантаст», «рядом с этим могуществом и с этим призванием к фантастическому, Гоголь имел равное могущество и равное призвание и к натуральному, натуралистическому»¹⁸.

Во-вторых, именно с Розановым сближает Газданова его взгляд на Гоголя как на писателя-человеконенавистника. Амбивалентное отношение Гоголя к его героям, в которое, безусловно, входит и элемент искреннего сочувствия, сводится Газдановым лишь к одной из его составляющих: «Ни одной подлинно человеческой черты — ни у героев, ни у автора, который их описывает: трудно найти что-либо более беспощадное, чем отношение Гоголя к своим героям, трудно найти такое *ледяное презрение к людям*, как у Гоголя» (М. 174). При этом сложный сплав умственного убожества и одновременно способности на глубокие привязанности и чувства, который мы нередко находим в гоголевских героях, подвергался Газдановым упрощению только до одного из этих двух элементов: «Возьмем его героев: майор

Ковалев изображен со свирепой гоголевской убедительностью *совершенным идиотом*, Иван Федорович Шпонька — то же самое. Даже старосветские помещики, — что может быть *более убогим, более, так сказать, душевно-нищим*, чем их существование? Врун и дурак Хлестаков, взяточник городничий, взяточники чиновники, наконец, бедный Акакий Акакиевич, тоже *описанный с необыкновенной жестокостью*, — вот то, что изображал Гоголь, вот тот мир, который он видел» (М. 175).

Ср. также выше приведенные суждения Газданова о «чем-то беспощадно-издевательском, каком-то почти жутком отсутствии сколько-нибудь человеческого отношения к герою» (М. 182) с известным розановским противопоставлением Пушкину Гоголя как создателя мертвого, нечеловеческого мира, основанного на том, что «человек может только *презирать человека*» (выделено мной. — С. К.)¹⁹. Ведь именно в этом «унизительном направлении, мнущем, раздавливающем, дробящем» человека, Розанов усматривал «тайну Гоголя, как-то связанную с его “безумием”»²⁰. И за такое отношение к человеку упрекал Гоголя в распространении среди русских нелюбви к собственной стране и даже в закате России: «Я даже не помню, за 50 лет, где бы своя земля не проклинулась. <...> Все Гоголюшко»²¹, «Гоголь отвинтил какой-то винт внутри русского корабля, после чего корабль стал весь разваливаться», «Гоголь дал право каждому русскому хохотать над Россией <...> И смех “не заставил себя ждать”»²², «Гоголь в русской литературе» — это целая реформация... Не меньше. Только “реформация”-то эта “без Бога, без Царя”...»²³.

В-третьих, именно от Розанова, по-видимому, у Газданова ощущение тесной связи гоголевского творчества со смертью: «течение этой речи» безжизненно, «это — мертвая ткань»²⁴. Говоря об этом, Розанов заходит даже так далеко, что приписывает Гоголю некрофилию и даже видит разгадку «половой тайны Гоголя» в его интересе к покойницам: «Везде покойник у него живет удвоенною жизнью, покойник — нигде не “мертв”, тогда как живые люди удивительно мертвы. Это — куклы, схемы, аллегории пороков. Напротив, покойники — и Ганна, и колдунья — прекрасны и *индивидуально интересны*. <...> Он вывел целый пансион покойниц — и не старух (ни одной), а все молоденьких и хорошеньких. Бурульбаш сказал бы: “Вишь, турецкая душа, чего захотел”. И перекрестился бы»²⁵.

Наконец, в-четвертых, полемическое отталкивание Газданова от представления о творчестве Гоголя как об отображении реальной действительности николаевской России направлено, помимо Белинского, В. Шенрока, также и против знаменитых суждений Розанова: «Гоголь — огромный край русского бытия», «Гоголь, маленький, незаметный чиновничек “департамента подлостей и вздоров” (“Шинель”) “сжег николаевскую Русь”», «“Илион” императора Николая он в самом деле обрек в уме своем на “сожжение” и начинал “Ревизором” и “Мертвыми душами” пожар едва ли только “художнически-бессознательно”»²⁶. Та-

ким образом, многие моменты в освещении Газдановым гоголевского творчества совпадают с отношением к Гоголю Розанова, а некоторые утверждения даже и несут ощутимые следы прямого знакомства с розановской «гоголианой».

4

Что касается некоторых других идей Газданова (в частности, об автобиографизме многих гоголевских героев), то они, очевидно, навеяны другим источником, в котором отчасти был развит подход Розанова. Это вышедшая в тот же год, что и «Заметки...», и оказавшая на Газданова большое влияние книга Льва Шестова «На весах Иова». Она состоит из двух больших и публиковавшихся ранее статей: «Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф.М. Достоевского)» и «На Страшном суде (Последние произведения Л.Н. Толстого)».

В основе книги лежит экзистенциалистская интерпретация творчества этих двух писателей. Так, например, «Записки из подполья» явно интерпретированы в духе экзистенциального противопоставления «всемству» сознания «пробудившегося» человека²⁷. Творчество Гоголя Шестов не только связывает с творчеством Достоевского, но даже ставит его «впереди его и даже над ним»: «Все произведения Гоголя — и “Ревизор”, и “Женитьба”, и “Мертвые души”, и даже его ранние рассказы, так весело и красочно рисующие малороссийский “быт”, — одни непрерывающиеся записки из подполья»²⁸.

Если сравнивать шестовскую интерпретацию творчества Гоголя со статьями о нем Газданова, то многое в них покажется узнаваемым. Прежде всего это касается представления Газданова об автобиографичности большинства героев Гоголя. У Шестова на этот счет находим: «Для Гоголя Чичиковы и Ноздревы были не “они”, не другие, которых нужно было бы “поднять” до себя. Он сам сказал нам, — и это не лицемерное смирение, а *ужасающая* правда, — что не других, а себя самого описывал и осмеивал он в героях “Ревизора” и “Мертвых душ”». Герои Гоголя, в частности, и люди вообще, по Шестову — так же, как по Газданову и Розанову, — не живые, а мертвецы: «Не худшие из нас, а лучшие — живые *автоматы, заведенные таинственной рукой* и не дерзающие нигде и ни в чем проявить свой собственный почин, свою личную волю. Некоторые, очень немногие, чувствуют, что *их жизнь есть не жизнь, а смерть*»²⁹.

Встречаются даже довольно близкие текстуальные соответствия. Например, газдановское сближение Гоголя с Поприциным: «Гоголевская *манья величия* (курсив мой. — С. К.)³⁰, носившая вначале, так сказать, литературную форму, проскальзывает, в частности, уже в первой части “Мертвых душ”, в шестой главе, той самой, которую Анненков назвал гениальной вещью, Гоголь — в лирическом отступлении — пишет:

“Русь, чего же ты хочешь от меня? Что глядишь ты так и все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?”

Это чем-то все-таки напоминает — страшно сказать — Поприщина. “В Испании есть король. Он отыскался. Этот король — я”?» (М. 177) — скорее всего навеяно аналогичным уподоблением Шестова: «Очевидно, Гоголю дикий полет фантазии сумасшедшего не казался таким бессмысленным и ни к чему не нужным, равно как и тот особенный, только ему одному принадлежащий мир не представлялся столь нереальным, как это кажется нам. *Что-то его тянуло к Поприщину и к безумию Поприщина*, что-то в его жизни и в его собственном мире привлекало и непреодолимо манило к себе будущего автора “Переписки с друзьями”»³¹.

Весь духовный путь Гоголя Шестов осмысляет именно в экзистенциальных координатах: «И, по-видимому, в каком-то смысле эти беспощадные самоистязания, этот неслыханный духовный аскетизм нужнее, чем его дивные литературные произведения. Может быть, нет иного способа, чтоб вырваться из власти “всемства”!»³². Также и Газданов, опираясь на Гоголя, формулирует свою концепцию экзистенциального человека, пробуждающегося среди мертвого сна окружающих и осознающего связь с трансцендентным через ужас существования и смерть. При этом в Гоголе он подчеркивает именно то, что было специфично для русского экзистенциализма: иррационализм и особое отношение к смерти.

Как и Розанов, Шестов называет мир Гоголя фантастическим: «несомненно, что он сам был пьян жутью сказки и мифа — жил *в сфере фантастического* не меньше, чем в признанном всеми реальном мире»³³, «*фантастический мир* представляется Гоголю самой реальностью сравнительно с тем миром, в котором Собакевич расхваливает Чичикову свои мертвые души. Петух до изнеможения закармливает своих гостей, Плюшкин растит свою кучу, Иван Иванович ссорится с Иваном Никифоровичем и т. д.»³⁴.

Универсальный и экзистенциальный смысл творчества Гоголя, по Шестову, имеет большее значение у Гоголя, чем план исторический и этнокультурный: «Даже Пушкин, который все умел понимать, не разгадал истинного смысла “Мертвых душ”. Ему казалось, что это плач по невежественной, дикой, отсталой России. Но не в одной России Гоголь увидел мертвые души. Весь мир представился ему замороженным царством; все люди — великие и малые — безвольными, безжизненными лунатиками, покорно и автоматически выполняющими извне внушенные им приказания»³⁵.

Чем же объяснить такую сильную зависимость Газданова от Розанова и Шестова в толковании Гоголя? Зависимость эта кажется особенно разительной, если принять во внима-

ние, что Газданов-критик отличался независимостью суждений. На наш взгляд, она объясняется не столько влиянием конкретных текстов Розанова и Шестова на конкретные тексты Газданова, сколько мировоззренческим сходством, его принадлежностью к русской экзистенциальной традиции, в которой Розанов и Шестов сыграли далеко не последнюю роль.

Как я уже писал³⁶, точно так же соотносятся взгляды Газданова и Шестова на Достоевского и Чехова. Переход от «Заметок об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» к статье «О Гоголе» в определенной мере аналогичен, например, изменению отношения к Достоевскому, выраженному в начале творческого пути Газданова в его рассказе «Черные лебеди», а в конце его — в письме к Г.В. Адамовичу от 28 сентября 1967 г. Рецепция Газданова вскрывает существование элементов экзистенциального отношения к миру в самом Гоголе (как есть они также и в М.Ю. Лермонтове, Ф.И. Тютчеве и др.)³⁷.

Ориентация раннего Газданова на Гоголя в эстетике вовсе не обязательно означает действительное равнение на него в творчестве: эстетические суждения часто отражают писательские устремления, а не характер собственного творчества в настоящий момент. Романы Газданова 1920–1930-х годов — это еще отнюдь не «фантастическое искусство», как он сам его понимал (хотя в отдельных рассказах писателя уже присутствует «фантастическое» начало). Сколько-нибудь заметное тяготение к «фантастическому» обнаруживает лишь завершенный уже после Второй мировой войны «Призрак Александра Вольфа». Следовательно, Гоголь для Газданова в 1920–1930-е годы — это в известной степени пример для подражания, образец для будущего художественного развития.

Однако для творчества Газданова 1950-х — 1960-х годов, который сам писал тогда дидактические романы, пронизанные идеей социального спасения и ориентированные уже на творчество Толстого (в особенности это характерно для опубликованных в 1953 г. «Пилигримов» и отчасти для вышедшего в 1965 г. «Пробуждения») — романов с положительными героями, которых Гоголь написать так и не смог, — «наставничество» Гоголя не столько образец, сколько грозное осознание опасности подобной позиции. И это осознание, по-видимому, помогло писателю, преодолев наивное проповедничество романа «Пилигримы», написать куда более земное и человеческое «Пробуждение». И все же романы с положительными героями тоже вышли у Газданова несколько слабее, чем его предыдущие произведения.

Глубоко символично, что в последние годы жизни писатель работал над утопическим романом «Переворот», в котором он предлагал определенные рецепты общественного спасения. Тем самым писатель закончил свою творческую деятельность своего рода вторым томом «Мертвых душ» или «Выбранными местами из переписки с друзьями», в какой-то степени повторив в общих чертах творческий путь Гоголя и Толстого.

- ¹ *Нечипоренко Ю.* Гоголь и Газданов: «чувственная прелесть мира» // [hronos.km.ru /text /2007 /negaz0407.html](http://hronos.km.ru/text/2007/negaz0407.html)
- ² *Федякин С.Р.* Толстовское начало в творчестве Гайто Газданова // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М., 2005. С. 96–102.
- ³ В обширном сборнике статей «Пятые Гоголевские чтения. Н.В. Гоголь и русское зарубежье. Сборник докладов под общей ред. В.П. Викуловой» (М., 2006) статьи Газданова о Гоголе бегло упоминаются лишь в работе С.Р. Федякина «"Инфернальный" Гоголь в русском сознании — от Мусоргского до Набокова» (Указ. соч. С. 94).
- ⁴ Впервые: *Мосты.* 1960 (Мюнхен). № 5. С. 172. Фрагменты этой статьи воспроизведены: Литературная учеба. 1996. Кн. 5-6. Далее ссылки на эту статью в тексте с пометой «М.» и указанием номера страницы в скобках.
- ⁵ *Газданов Г.* Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане // Воля России. 1929. № 5/6. Цит. по: Литературное обозрение. 1994. № 9–10. С. 79. Далее на ближайших страницах ссылки на эту статью в тексте с указанием номера страницы в скобках; курсив мой — С. К.
- ⁶ Мне представляется, что это касается лишь субъективных, но не субъективистских рецептов.
- ⁷ В самой статье речь также заходит и о Достоевском.
- ⁸ *Гайто Газданов.* Из «Дневника писателя». Три передачи на радио «Свобода» // Дружба народов. 1996. № 10. С. 178, 183.
- ⁹ *Мосты.* 1960 (Мюнхен). № 5. С. 179.
- ¹⁰ *Федякин С.Р.* Толстовское начало в творчестве Гайто Газданова. С. 99.
- ¹¹ Последние новости. Париж, 1934. № 4830. 14 июня; цит. по: Трудный путь. Из наследия русской эмиграции. М., 2002. С. 80.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Федякин С.Р.* Толстовское начало в творчестве Гайто Газданова. С. 96.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Розанов В.В.* Отчего не удался памятник Гоголю? // Мысли о литературе. М., 1989. С. 294.
- ¹⁶ Там же. С. 294.
- ¹⁷ Там же. С. 295–296.
- ¹⁸ *Розанов В.В.* Гоголь // Мысли о литературе. С. 278, 276.
- ¹⁹ *Розанов В.В.* Пушкин и Гоголь // Там же. С. 164.
- ²⁰ *Розанов В.В.* Отчего не удался памятник Гоголю? С.298.
- ²¹ *Розанов В.В.* Сахарна // Миниатюры. М., 2004. С. 346.
- ²² *Розанов В.В.* Мимолетное. 1914 год // Миниатюры. М., 2004. С. 361, 386.
- ²³ *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915 год // Миниатюры. М., 2004. С. 426.
- ²⁴ *Розанов В.В.* Пушкин и Гоголь // Мысли о литературе. С. 162.
- ²⁵ *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб второй // Там же. С. 392.
- ²⁶ *Розанов В.В.* Гоголь // Там же. С. 277, 278.
- ²⁷ См.: *Шестов Л.* На весах Иова // *Шестов Л.* Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 49.
- ²⁸ Там же. С. 50.
- ²⁹ Там же. С. 50–51.
- ³⁰ Возможно, реминисценция из статьи Георгия Адамовича «Андрей Белый и Гоголь» (Последние новости. Париж, 1934. № 4830. 14 июня): «Кроме скороспелого марксизма, смущает, — я выбираю самое мягкое выражение, — *манья величия* (курсив мой. — С. К.). Белый цитирует знаменитые строки Чернышевского: «Мы называем Гоголя величайшим русским писателем. Он имел полное право сказать слова, безмерная гордость которых смутила в свое время самых жарких его поклонников: "Русь! Чего ты хочешь от меня? Зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?"». Он имел полное право сказать это» (цит. по: Трудный путь. Из наследия русской эмиграции. С. 80). Адамович сокращенно цитирует из статьи первой «Очерки гоголевского периода русской литературы (ср.: Н.В. Гоголь в русской критике. М., 1953. С. 349).
- ³¹ *Шестов Л.* На весах Иова. С. 105.
- ³² Там же. С. 51.
- ³³ Там же. С. 105.
- ³⁴ Там же. С. 107.
- ³⁵ Там же. С. 106–107.
- ³⁶ *Кибальник С.А.* Гайто Газданов и экзистенциальное сознание в литературе Русского Зарубежья // Русская литература. 2003. № 4. С. 52–72; *Он же.* Газданов и Шестов // Русская литература. 2006. № 1. С. 218–226; *Он же.* Газдановские римейки Достоевского // Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 18. СПб., 2007. [В печати.]
- ³⁷ См.: *Заманская В.В.* Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания. Екатеринбург – Магнитогорск, 1996; *Она же.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалог на границах столетий: Учебное пособие. М., 2002.

